УДК 903.21

А. Ю. Борисенко

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

aborisenko2@mail.ru

СВЕДЕНИЯ О ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ, СОБРАННЫЕ ЕВРОПЕЙСКИМИ УЧЕНЫМИ И ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ XVIII ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ *

Изучение древних и традиционных культур народов Западной, Южной Сибири и близлежащих регионов имеет длительную историю. Территория Обь-Иртышского междуречья также не была обойдена вниманием ученых. Д. Г. Мессершмидт в ходе своего семилетнего путешествия в Сибирь заложил основу изучения археологических памятников и этнографических материалов Западной и Южной Сибири, в том числе территории Барабинской степи. Им были зафиксированы археологические памятники, описаны особенности погребальной и ритуальной обрядности, музыкальной культуры, бытовой жизни местного «татарского» населения, приобретены некоторые предметы культа. Через несколько лет после возвращения участников экспедиции Д. Г. Мессершмидта в Санкт-Петербург, Российская академия наук снарядила в Сибирь комплексную экспедицию. Среди ее участников и руководителей одного из отрядов был Г. Ф. Миллер. Собранные им сведения включают также материалы по древним памятникам и традиционным культурам населения междуречья Иртыша и Оби. Они содержат сведения о внешнем виде жителей данной территории, их хозяйственном укладе, особенностях строительства жилищ, а также о происхождении «татарского» населения Обь-Иртышья. В 70-х гг. XVIII в. «Физической экспедицией» Российской академии наук руководил П. С. Паллас. Маршрут его путешествия включал и территорию Обь-Иртышского междуречья. В ходе его были отмечены местонахождения археологических памятников по течению Иртыша. Сведения об особенностях древней и традиционной культуры населения Обь-Иртышского междуречья, собранные этими и иными европейскими учеными в XVIII в., представляют интерес для специалистов в области археологии, этнографии, истории науки, поскольку отражают состояние памятников, часть из которых была в дальнейшем утрачена, на момент их фиксации.

Ключевые слова: Обь-Иртышское междуречье, европейские ученые XVIII в., древние и традиционные культуры.

Древние и традиционные культуры народов Западно-Сибирской равнины привлекли к себе внимание европейских путешественников и ученых еще в XVII–XVIII вв. О сибирских служилых татарах есть упоминание в записках дипломата Э. И. Идеса, возглавлявшего российскую миссию в Китай в конце XVII в. [Идес, Бранд, 1967. С. 82]. О хозяйственных занятиях, жилищах, религиозных культах сибирских татар имеются некоторые данные в сочинениях Л. Ланга, Д. Белла и Г. И. Унферцагта [Зиннер, 1968. С. 49, 65].

Отдельные сведения об особенностях традиционной культуры татарского населения в конце XVII и начале XVIII в. содержатся в сочинениях голландского ученого, коммерсанта и администратора Н. К. Витсена, который в соответствии со средневековой традицией называл «Татарией» всю Северную Азию. В его сочинении имеются

* Исследование проведено по проекту № 2718 в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ.

Борисенко А. Ю. Сведения о древних и традиционных культурах, собранные европейскими учеными и путешественниками XVIII века на территории Обь-Иртышского междуречья // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 43–51.

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Том 13, выпуск 5: Археология и этнография
© А. Ю. Борисенко, 2014

краткие описания и рисунки некоторых «татарских древностей», среди которых предметы, относящиеся к позднему Средневековью [Витсен, 2010. С. 783–784; Зиннер, 1968. С. 30–32].

Материалы, собранные европейскими учеными, привлекались некоторыми современными исследователями по истории и культуре сибирских татар. А. Х. Элертом были проанализированы сведения о культуре некоторых групп сибирских татар из дневниковых записей Г. Ф. Миллера [Элерт, 1999. С. 168–169; 2002. С. 78–79]. Сведения об этнокультурных особенностях сибирских татар из сочинений европейских путешественников и ученых XVIII в. использовались В. И. Молодиным, В. И. Соболевым и А. И. Соловьевым в процессе анализа позднесредневековых памятников, исследованных на территории Барабы [Молодин и др., 1990. С. 187]. В монографическом исследовании В. И. Соболева проанализированы сведения о жилищах, хозяйственных занятиях и религиозных представлениях татарского населения, которые содержатся в сочинениях европейских путешественников и ученых [2008. С. 28–29]. Некоторые данные о сибирских татарах, содержащиеся в трудах европейцев, приведены в работе З. А. Тычинских [2010. С. 8–11]. Этнографические материалы по сибирским татарам, собранные Г. Ф. Миллером, И. Г. Фишером и И. Г. Георги, были проанализированы Н. А. Томиловым [1978. С. 132–133].

Первые настоящие научные изыскания на территории Обь-Иртышского междуречья связаны с именами европейских ученых, принимавших участие в исследовательских экспедициях, организованных по инициативе царских властей Российской академии наук в XVIII в. Многие из них, обладая широким кругозором, не ограничивались исследованиями по своим непосредственным специальностям – медицине, ботанике, горному делу и другим отраслям научных знаний. Именно европейские специалисты впервые зафиксировали, зарисовали и приобрели для Санкт-Петербургской Кунсткамеры предметы древности из археологических памятников, из раскопок бугровщиков, описали обычаи и обряды татарского населения изучаемых территорий, сведения о которых получили от информаторов или наблюдали лично. Собранные ими материалы дают представление о состоянии традиционной культуры коренного населения, которая в дальнейшем безвозвратно ушла в прошлое.

Обращение к археологическим и этнографическим материалам, собранным европейскими учеными в XVIII в., представляет большой интерес для современных исследований не только в историко-научном и историографическом аспектах, но и весьма актуально для изучения древних и традиционных культур коренного населения Западной Сибири, поскольку ими были собраны некоторые предметы, относящиеся к эпохе позднего Средневековья, которые не обнаруживались в ходе раскопок в последующий период изучения, а также ими были зафиксированы некоторые обычаи и обряды татарского населения, которые в дальнейшем были утрачены и ушли в прошлое. Рассматриваемые в статье материалы, относящиеся к традиционной культуре некоторых групп сибирских татар, полученные в процессе исследований европейских ученых на территории Обь-Иртышского междуречья в XVIII в., ранее не привлекали внимания современных ученых. Целью данной статьи является характеристика особенностей традиционной культуры татарского населения рассматриваемого региона, зафиксированных в дневниковых записях европейскими исследователями у населения тех районов, по которых проходили маршруты научных экспедиций, в которых работали европейские ученые. В числе задач исследования можно выделить описания некоторых предметов материальной культуры и обычаев сибирского татарского населения, а также сравнительный анализ данных, собранных участниками разных научных экспедиций в XVIII в.

В XVIII в. сначала Медицинской канцелярией, а затем Российской академией наук было организовано несколько научно-исследовательских экспедиций, чьи маршруты проходили по территории Обь-Иртышского междуречья. Первая из них состоялась в 1721–1727 гг. под руководством доктора медицины из Германии Даниила Готлиба Мессершмидта (Daniel Gottlib Messerschmidt, 16.09.1685 – 25.03.1735). Ученый почти ежедневно вел записи в путевом дневнике, который был опубликован в Берлине только в 60-х гг. XX в.

Маршрут экспедиции по территории Обь-Иртышского междуречья пролегал по лесо-

степным районам Западной Сибири, от Иртыша в сторону Оби, через реки Тартас и Омь, Каргат и Чулым. Участники экспедиционного отряда переправились через Обь в окрестностях пос. Ташара, откуда направились в сторону Томска.

Первым приобретенным Д. Г. Мессершмидтом на территории Обь-Иртышья предметом стала шелковая шапочка фиолетового цвета, купленная им в татарском селе Кубьяк (Kubjak). В том же селе, со слов одного из местных жителей, он описал особенности соколиной охоты. Информатор рассказал ученому, что в Кубьяке используют для охоты три типа соколов, лучшим из которых считался белый с пестрым оперением. Приучая, им дают с руки в течение 9–12 дней маленький шарик, смешанный из кусочка меха, мяса и корня растения. Тогда молодые соколы привыкают взлетать с руки [Messerschmidt, 1962. S. 40–42].

В окрестностях упоминаемого Д. Г. Мессершмидтом оз. Уйгуй (Ujguj), которое сегодня находится на территории современного Усть-Тарского района Новосибирской области, по сведениям ученого проживали «барабинские татары», которые «строят хижины без окон». Свет в них попадает через круглое отверстие в крыше, через него же выходит дым [Ibid. S. 56–57]. В юрте Чинай (Činaj), находящемся в 20 верстах от озера, Д. Г. Мессершмидтом была описана свойственная для местных татарских женщин особенность продевать серебряное колечко через нос, что, по их представлениям, делалось для дезинфекции [Ibid. S. 58]. Подобный обычай был позже зафиксирован Г. Ф. Миллером среди татарских женщин на территории Казанского уезда [Борисенко, 2011. С. 70].

В соседнем поселении Изенбек (Izenbek) ученый описал колесо от повозки диаметром 3,25 аршин (2,3 м), изготовленное из березовых веток. В том же татарском поселении-юрте им был записан обряд поминовения усопшего, согласно которому на жилище умершего человека устанавливалось копье с прикрепленным к острию белым флажком и трубкой из бересты. В берестяную трубочку протягивался лоскут пестрой ткани [Messerschmidt, 1962. S. 58]. Этот обычай представляет большой интерес для современных исследователей культур тюркских народов, поскольку он сохранился до этнографической современности у казахов и кыргызов [Худяков, Орозбекова, 2012. С. 301–303].

В нескольких юртах Обь-Иртышья участники экспедиции наблюдали и впоследствии записали особенности поминального и погребального обрядов, распространенных среди «татарского» населения данной территории. Так, в юрте Ренчинск (Renčinsk) ученый со слов местной жительницы описал традицию соблюдения траура женщинами по близким родственникам. Если в семье умирает отец, мать, брат или дети, женщина в первые две – четыре недели траура должна расцарапывать себе лицо до крови [Messerschmidt, 1962. S. 65]. В дальнейшем женщины ходят на место погребения и приносят умершему еду и питье, а также некоторые вещи, которые принадлежали поминаемому родственнику [Ibid. S. 65–66]. В юрте Куленба (Kulenba) был записан обряд погребения взрослого женатого мужчины. Согласно этим записям, умершего опускали в яму без особенных церемоний, вместе с ним укладывалось его оружие и другие вещи, а также убивалась и захоранивалась его лучшая лошадь. Судя по описанию, речь идет о погребении барабинских татар [Бараба…, 1988. С. 168–169].

В юрте Бочка (Bochca) Д. Г. Мессершмидтом был записан обряд погребения детей. Грудные младенцы, которые, по мнению местных жителей, «не сделали и не сказали ничего дурного», хоронились по особому обряду. Для них неподалеку от юрты устанавливался деревянный столб. Возле него ставили гроб с умершим ребенком. Там он оставался до полного истлевания. К настоящему времени ученым известны различные виды погребения детей на территории Барабинской лесостепи. Однако среди них не зафиксировано захоронений на поверхности. Так, например, на изученном в Прииртышье памятнике культуры сибирских татар Окунево-3 имеются детские захоронения под курганами, не содержащие погребального инвентаря [Могильников, 1997. С. 61].

В ходе экспедиции по Обь-Иртышью Д. Г. Мессершмидт познакомился с религиозными представлениями и обрядами населения и нашел их крайне интересными. В юрте Куленба (Kulenba) ученый осмотрел множество предметов культа, в том числе идолов. Как указали местные жители, они посвящались не каким-либо конкретным

богам и были установлены здесь еще прежними обитателями этого поселения. Однако сами «барабинские татары» восприняли их в качестве своих культовых предметов [Messerschmidt, 1962. S. 59]. В юрте Аргалы (Argalu) Д. Г. Мессершмидт посетил обряд камлания, который проводил молодой шаман. Он сначала выкурил трубку, отвернулся спиной и стал водить колотушкой по бубну и тихо бормотать. На бубне был укреплен небольшой идол, сделанный из дерева и «одетый в тряпье». Шаман сделал несколько предсказаний, которые, как утверждал в своем дневнике Д. Г. Мессершмидт, оказались неправдой [Ibid. S. 67]. В ходе ритуала шаман громко кричал, призывая «большого бога». По представлениям местных жителей, есть еще и другие боги, богатые и здоровые, которые покровительствуют богатым и здоровым людям, бедные и больные боги – бедным и больным людям [Ibid. S. 68]. Кроме того, ученым были описаны два музыкальных инструмента – большой бубен из ткани, зарисованный Карлом Шульманом, и инструмент, «напоминающий гитару с тремя струнами», оплетенными конским волосом, под который исполняли горловое пение [Ibid. S. 63].

В ходе этого отрезка путешествия ученый посетил еще несколько татарских поселений – юртов. Это были юрты Чупчи (Čupči), Чада (Čada), Чунгар (Čungar), в которых были описаны характерные особенности строительства жилищ, пошива одежды и другие отличительные черты традиционной культуры сибирских татар в начале XVIII в. Д. Г. Мессершмидт зафиксировал ареалы расселения местного сибирского татарского населения, его хозяйственные занятия и некоторые особенности языка.

В ходе путешествия по Барабинской лесостепи Д. Г. Мессершмидт приобрел несколько старинных предметов – сосуд для питья из раскопок бугровщиков, костяной наконечник стрелы, «опахало от комаров». Им также были упомянуты скопления курганов и остатки защитных валов на левом берегу Оби неподалеку от с. Ор-Карагай.

Отдельные географические названия, которые упоминает Д. Г. Мессершмидт, не сохранились, однако некоторые топонимы существуют и в настоящее время. Это реки Тартас (Tartas), Каменка (Kamenka), Икса (Iksa) и Ояш (Ojaş), о которых имеется запись в путевом дневнике, оз. Уйгуй.

В экспедиционных материалах участников Второй академической экспедиции (1733–1743 гг.) также имеются сведения о традиционном быте населения, проживавшего на территории Обь-Иртышского междуречья в первой половине XVIII в.

Так, Г. Ф. Миллер (Gerhard Friedrich Müller, 18.10.1705 – 22.10.1783), руководитель сухопутного отряда этой экспедиции, в своих дневниковых записях приводит описание «татарского» сибирского населения, указывая, что все татары, на его взгляд, внешне похожи друг на друга. Они имеют смуглый, «коричневато-желтый» цвет кожи. Телосложение их достаточно плотное, рост довольно высокий. Лица хотя и плоские, но носы все-таки выступают вперед. По его оценке, по сравнению с представителями монгольских народов, сибирские «татары» имеют более продолговатое лицо [Миллер, 2009. С. 118]. У женщин всех сибирских народов, в том числе сибирских татар, принято носить длинные волосы, заплетая их в косы. Татарские мужчины носят только маленькие, подстриженные усы [Там же. С. 121].

Как мужчины, так и женщины по всей Западной Сибири носят штаны длиной ниже колен и чулки из шкур косули. Как мужчины, так и молодые девушки носят поверх одежды пояса. Для подпоясывания они зачастую используют русские кушаки [Там же. С. 125, 133, 134]. На поясе, с левой стороны, поверх одежды, татарские мужчины носят кошель, который называют – Iltìk [Там же. С. 142, 149]. На этот же предмет повседневного обихода ранее обращал внимание и Д. Г. Мессершмидт [Messerschmidt, 1962. S. 73].

В «Описании…» Г. Ф. Миллер приводит также сведении о жилищах татар Барабинской степи. Они представляют собой маленькие хижины, четырехугольные в плане, сделанные из деревянных, вертикально поставленных досок, покрытых сверху корой деревьев или дранкой. Кроме того, на крыши и стены жилищ набрасывается земля. Стены сделаны с уклоном внутрь. Они достаточно низки, так что высокий человек не может поместиться в них в полный рост. Наверху крыши сделано дымовое отверстие, а в середине жилища располагается очаг без камина [Миллер, 2009. С. 176]. Летние жилища татары называют термином «Ер», дополнительными приставками обозначая форму купола юрты – округлую или остро-

конечную. По наблюдениям, Г. Ф. Миллера, татарские скотоводы предпочитают иметь округлые юрты, хотя пользуются и другими видами жилищ. Юрты имеют двери, которые крепятся на петлях и открываются внутрь [Миллер, 2009. С. 179, 181]. Постель хозяина юрты находится традиционно напротив входа, дети спят на женской стороне жилища [Там же. С. 182, 183]. Эти сведения в известной степени соотносятся с информацией, которую приводит Д. Г. Мессершмидт о жилищах сибирского «татарского» населения Барабинской степи [Messerschmidt, 1962. S. 57, 62]. В быту, для совершения трапезы, сибирские «татары» пользуются большими плоскими железными блюдами, который называют – Schirìm Togò [Миллер, 2009. С. 193].

«Татары», населявшие Обь-Иртышское междуречье, по сведениям Г. Ф. Миллера, занимаются преимущественно скотоводством – разводят лошадей, рогатый скот и, в меньшей степени, овец. Земледелие ими также практикуется, но в основном у тех представителей татарского населения, кто «беден скотом» [Там же. С. 212]. Они употребляют в пищу и мясо, и молоко, причем в некоторых случаях мясо может быть даже от падшего животного, иногда плохо приготовленное в антисанитарных условиях. Молоко смешивают сырое и кипяченое, а также делают из него простоквашу, масло и сыр [Там же. С. 268]. Ученый отмечал также, что они держат собак, обычно пару – одну для охоты, на которую выходят преимущественно осенью, другую – для охраны своего жилища [Там же. С. 231].

В главе об охоте Г. Ф. Миллер подробно описывает «татарский» лук, кибить которого с внутренней стороны укрепляется роговыми накладками (бараньими или бычьими), а с внешней стороны – березовой основой. Тетива изготавливается из сырой бычьей кожи, самой лучшей считается часть, снятая со спины животного. Здесь же Г. Ф. Миллер приводит описания различных видов стрел, часть из которых используются только в бою. Наконечники стрел изготавливались из железа, кости, дерева, причем форма наконечников не всегда зависит от материала. По его описанию, «…есть и стрелы из одинакового материала, которые имеют совершенно разный вид и служат для различных целей, а потому имеют и различные названия» [Там же. С. 299]. «Татары» пользуются также копьем – «джида» (dschedà), которое применяется ими в бою и на медвежьей охоте [Там же. С. 311]. Для охоты на зайцев и росомах сибирские «татары» используют специальные ловушки – «слопцы», а для охоты на волков могут применять даже ядовитые вещества. Они охотятся также на белок и бобров [Там же. С. 322–323]. В качестве вспомогательного промысла сибирские татары занимаются рыбной ловлей.

Для развлечения «татары» устраивают конные скачки, состязаются в стрельбе из лука и в борьбе. По сведениям, собранным ученым, заключение брака у сибирских татар происходит по договоренности родителей молодоженов, калым может уплачиваться или нет. В последнем случае, если муж недоволен женой, он может предложить ей уйти со всем приданым в родительский дом, но дети должны оставаться с отцом [Там же. С. 341, 354]. На свадебных торжествах, как и на всех других праздниках сибирских татар, устраиваются скачки.

Особо Г. Ф. Миллер упоминает о «чацких татарах» и приводит сведения об их происхождении. Приведенные им материалы аналогичны тем, что имеются и у Д. Г. Мессершмидта. Согласно данным Г. Ф. Миллера, «чацкие татары», проживающие между реками Обь и Томь, считают, что раньше они были подданными хана Кучума. Их самоназвание появилось в ходе переселения с р. Иртыш на их настоящее место проживания в Приобье. Происходит оно от того, что некоторое время им пришлось жить на мысу между двумя реками [Там же. С. 55]. Ранее Д. Г. Мессершмидт, рассматривая этот же вопрос, утверждал, что при слиянии двух рек, где «татары» останавливались во время перемены места жительства, был остров «Чат» – Tzat. По нему и было дано современное название этому населению: «Чатские татары» – Tzatski –Tschatski – Čatskie [Messerschmidt, 1962. S. 78].

В своем сочинении Г. Ф. Миллер приводит интересные сведения о традиционной народной медицине некоторых сибирских народов, которые были им собраны в период работы Великой Северной экспедиции на территории Западной Сибири. В частности, он упоминает об использовании «бобровой струи» при лечении внутренних органов остяками, живущими на Оби [2009. С. 107].

Собрав ценные сведения по истории Сибирского ханства, Г. Ф. Миллер проанали-

зировал материалы сибирских летописей и осмотрел некоторые татарские городища, развалины которых достаточно хорошо сохранились ко времени путешествия Великой Северной экспедиции по Западной Сибири. Наибольшее внимание он уделил развалинам бывшего столичного города Искера. Ученый описал также некоторые виды оружия, которыми пользовались сибирские татарские воины [Там же. С. 225, 227–228].

Материалы, характеризующие родоплеменной состав сибирских татар, приведены и в сочинении другого участника Великой Северной экспедиции – Иоганна Эберхарда Фишера (Johann Eberhard Fischer, 10.01.1697 – 13.09.1771). Он выделял среди сибирских татар несколько территориальных групп. Одну из них составляло тюркоязычное население Обь-Иртышского междуречья и Притомья [Фишер, 1774. С. 51, 93, 95, 188]. Некоторые сведения о жизни коренного населения Обь-Иртышья, его культуре и быте, в конце XVIII в., можно почерпнуть из многотомного труда Петера Симона Палласа (Peter Simon Pallas, 21.09.1741 – 08.09.1811). В 1760–1770-х гг. под его руководством проходила одна из «Физических экспедиций» Санкт-Петербургской академии наук. Результаты многолетней работы этой экспедиции были изложены ученым в его научном труде «Путешествие по разным местам Российского государства» [Паллас, 1773; 1786; 1778].

Путешествие П. С. Палласа по территории Обь-Иртышья началось от Омска. Продвигаясь вниз по Иртышу, он встречал древние курганы, однако не все были им отмечены специально в его книге. Впервые упоминания о курганах после Омской крепости появляются на страницах его труда, на которых описан маршрут в районе станицы Соляной поворот (одноименное село сохранилось до настоящего времени на Иртыше, поблизости от которого река имеет достаточно широкий изгиб). П. С. Паллас утверждает, что «от Соленой же оные начали показываться чаще». Они представляют собой не слишком большие плоские насыпи. Погребенные лежат неглубоко, головой на запад, кости практически истлевшие. Погребальный инвентарь их довольно беден – медные вещи, иногда встречаются изделия из драгоценных металлов. Ученый предположил, что эти захоронения принадлежат «барабинским татарам» [1786. С. 125].

Это предположение, хотя оно не выдержало испытания временем, представляет определенный интерес, как один из первых опытов выделения археологических памятников барабинских татар.

П. С. Паллас зафиксировал наличие «девяти бугров», состоящих из песка со следами грабительских раскопок «бугровщиков», по маршруту путешествия между форпостами Чернорецким и Карьяковским [Там же. С. 153].

Отдельные сведения о средневековых оборонительных сооружениях сибирских татар содержатся в сочинении другого участника «физических экспедиций» Российской академии наук, академика И. П. Фалька, который путешествовал по территории Западной Сибири в 1768 г. Он описал городище Тон-Тура и «окопы» князька барабинских татар Яуты Туруна [1824. С. 431–432].

Изучение путевых дневников и сочинений европейских ученых-путешественников XVIII в. позволяет существенным образом дополнить и уточнить имеющиеся сведения по истории изучения памятников древних и средневековых культур населения Обь-Иртышского междуречья. Значительное внимание изучению традиционной этнографической культуры барабинского татарского населения этого региона уделили участники первой научной экспедиции, которые совершили путешествие по исследуемой территории с целью ее научного изучения. Наибольший вклад в исследование археологических памятников и культуры сибирского татарского населения внесли участники Великой Северной экспедиции. Собранные европейскими исследователями археологические и этнографические материалы представляют значительную научную ценность, поскольку позволяют оценить некоторые особенности жизни и быта, хозяйственных занятий, боевого и охотничьего оружия, религиозных верований и заупокойной обрядности, костюма и украшений, народной медицины татарского населения Обь-Иртышского междуречья в первой половине XVIII в. В дальнейшем, в процессе межкультурных контактов, многие компоненты традиционной культуры были утрачены барабинскими татарами. Европейские ученые, участники естественно-научных, «физических» экспедиций, проезжавшие по территории Западно-Сибирской равнины, также уделяли определенное внимание встречав-

шимся на их пути памятникам древности. Однако к этому времени многие древние курганы были уже разграблены бугровщиками, а «куриозные» вещи расхищены, поэтому собранные ими сведения не столь информативны, как у исследователей Великой Северной экспедиции. Они представляют интерес для историко-научных исследований. Изучение материалов научных экспедиций XVIII в. дает возможность всесторонне оценить вклад предшественников в процесс накопления научных знаний и позволит современным исследователям привлечь собранные материалы для своих работ, посвященных анализу древних и традиционных культур Обь-Иртышского междуречья.

Список литературы

Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. 177 с.

Борисенко А. Ю. Сведения о традиционной культуре татарского населения и археологических памятниках Барабинской лесостепи в дневниковых записках Д. Г. Мессершмидта // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. С. 69–74.

Витсен Н. Северная и Восточная Татария, включающая области, расположенные в северных и Восточных частях Европы и Азии. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. 2. С. 623–1225.

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 247 с.

Идес. Э. И., *Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М.: Гл. ред. вост. лит., 1967. 404 с.

Миллер Г. Ф. Описание Сибирских народов. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 453 с.

Могильников В. А. Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртышье (к проблеме происхождения тарских татар) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1997. Вып. 1. С. 51–64.

Молодин В. И., *Соболев В. И.*, *Соловьев А. И.* Бараба в эпоху позднего Средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Имп. АН, 1773. Ч. 1. 785 с.; 1786. Ч. 2, кн. 1. 486 с.; 1786. Ч. 2, кн. 2. 573 с.; 1788. Ч. 3, кн. 1. 654 с.; 1788. Ч. 3, кн. 2. 480 с.

Соболев В. И. История сибирских ханств (по археологическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 10. 356 с.

Томилов Н. А. Вопросы этнического развития сибирских татар в дореволюционной и советской литературе // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. С. 131–149.

Тычинских З. А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2010. 288 с.

Фальк И. П. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб.: Имп. АН, 1824. Т. 6. 446 с.

Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: Имп. АН, 1774. 631 с.

Худяков Ю. С., *Орозбекова Ж.* Использование оружия в оформлении надмогильных сооружений курганов Тянь-Шаня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 18. С. 301–305.

Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 239 с.

Элерт А. Х. Болезни, смерть и погребальные обряды у тюрков Сибири XVIII в. (по экспедиционным материалам Г. Ф. Миллера) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 5. С. 67–80.

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin: Akademie-Verlag, 1962. Bd. 1. 379 S.

Материал поступил в редколлегию 08.02.2014

A. Yu. Borisenko

Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

aborisenko2@mail.ru

THE INFORMATION ABOUT ANCIENT AND TRADITIONAL CULTURE, THAT WERE COMPLITED BY EUROPEAN SCIENTISTS AND TRAVELERS XVIII CENTURY IN THE OB'-IRTYSH'S INTERFLUVE

Purpose: The study of ancient and traditional cultures of the peoples of Siberia and neighboring regions has a long history. From the Middle Ages sought to get foreigners in their land unknown. Among the curious were statesmen, diplomats, missionaries, military specialists, merchants and travelers simply. With the accumulation of information to representatives of the European states became apparent that distant Siberia's rich and extremely interesting. By the XVIII century existing interest has become more clear situation – Siberia scientists need to study all specialties. The medical men, geologists, historians and many other professionals have sought to enter the territory of Siberia and adjacent land to independently gather the information they need, to make observations and experiences, acquire artifacts for future collections.

Results: The territory of the Ob'-Irtysh interfluve not been overlooked by scientists interested in ancient history and traditional Aboriginal cultures of the region. Daniel Gottlieb Messerschmidt during his seven-year journey to Siberia laid the foundation for the study of archaeological sites and ethnographic materials of western and southern Siberia, including the territory Baraba steppe. They were recorded archaeological sites, features described funerary and ritual ceremonies, musical culture, everyday life of the local Tatar population, purchased some items of worship. A few years after the return of the expedition participants D. G. Messerschmidt in Saint Petersburg, The Russian Academy of Sciences sent the comprehensive expedition to Siberia. Among the participants was the first professional historian – Gerhard Friedrich Miller. The Material which he had collected reflect a wide range of interests of the scientist. It also presents information on the ancient monuments and traditional cultures of the population between rivers Ob' and Irtysh. They contain information about the appearance of the inhabitants of this territory, their economic structure, characteristics of housing construction, as well as the origin of the «Tatar» population in Ob'-Irtysh. In the 70s XVIII century «The Physical expedition» of the Russian Academy of Sciences led by Peter Simon Pallas. The route of his journey and the territory included the Ob'-Irtysh interfluve. During it they were marked by the location of archaeological sites along the Irtysh River.

Conclusion: The information about the features of the ancient and traditional culture of the population of the Ob'-Irtysh interfluve collected by European scientists in the XVIII century are of interest to specialists in the field of archeology, ethnography, history of science, since the monuments reflect the state at the time of the study, some of them have been irretrievably lost and known only materials of expeditions in the XVIII century. In addition, the works of participants in academic expeditions XVIII. indicate at what level of development is a historical science in Russia, which extended the scope of interests of scientists.

Keywords: Ob'-Irysh interfluves, European scientists XVIII century, ancient and traditional cultures.

References

Baraba v tyurkskoye vremya [*Baraba in Turkic Time*]. Novosibirsk, Nauka, 1988. 177 p. (in Russ.)

Borisenko A. Yu. Svedeniya o traditsionnoi kul'ture «tatarskogo» naseleniya i arkheologicheskikh pamyatnikakh Barabinskoi lesostepi v dnevnikovykh zapisyakh D. G. Messershmidta [The Information about the Traditional Culture of the «Tatar» Population and Archaeological Sites in the Baraba's Forest-Steppe in Diary Notes of D. G. Messerschmidt]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series*: *History*, *Philology*, 2011, vol. 10, iss. 3: Archaeology and Ethnography, p. 69–74. (in Russ.)

Elert A. Kh. *Narody Sibiri v trudakh G. F. Millera* [*Peoples of Siberia in the works of G. F. Miller*]. Novosibirsk, IAE Publ., 1999, 239 p. (in Russ.)

Elert A. Kh. Bolezni, smert' i pogrebal'nye obryady tyurok Sibiri XVIII v. (po ekspeditsionnym materialam G. F. Millera) [The Illness, the Death and Funeral Rites of the Turks in Siberia XVIII Centuries (By Forwarding Materials G. F. Miller)]. *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: problemy kul'tury i sotsiuma* [*Ethnography and Archaeological Complex*: *Problems of Culture and Society*]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002, vol. 5, p. 67–80. (in Russ.)

Falk I. P. Zapiski puteshestviya akademika Fal'ka [The Travel's Notes of Academician Falk]. *Polnoe sobranie puteshestvii po Rossii* [*The Complete Collection of Scientists Travel to Russia*]. St.-Petersburg, Imp. Academy of Sciences, 1824, vol. 6, 446 p. (in Russ.)

Fisher I. E. *Sibirskaya istoriya ot samogo otkrytiya do zavoevaniya sei zemli russkim oruzhiem* [*Siberian History from the Opening until the Conquest of the Land of Russian Weapons*]. St.-Petersburg, Imp. Academy of Sciences, 1774, 631 p. (in Russ.)

Ides I., Brand A. *Zapiski o russkom posol'stve v Kitai* (*1692–1695*) [*The Notes about the Russian Embassy in China* (*1692–1695*)]. Moscow, Editorial Oriental Literature, 1967, 404 p. (in Russ.)

Khudyakov Yu. S., Orozbekova G. Ispol'zovanie oruzhiya v oformlenii nadmogil'nykh sooruzhenii kurganov Tyan'-Shanya [The Use of Weapons at Design of Gravestones Mounds in Tien-Shan]. *Problemy arkheologii*, *etnografii*, *antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [*Problems of Archeology*, *Ethnography*, *Anthropology of Siberia and Contiguous Territories*]. Novosibirsk, IAE Publ., 2012, vol. 18, p. 301–305. (in Russ.)

Messerschmidt D. G. *Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727*. Berlin: Akademie-Verlag, 1962. Bd. 1. 379 S.

Miller G. F. *Opisanie sibirskikh narodov* [*The Description of Siberian Peoples*]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2009, 453 p. (in Russ.)

Mogil'nikov V. A. Pozdnesrednevekovye materialy iz kompleksa pamyatnikov u derevni Okunevo v Tarsnom Priirtysh'e (k probleme proiskhozhdeniya tarskikh tatar) [The Materials the Late Medieval Age from the Complex of Monuments Near the Village Okunevo in Tara's Priirtyshe (the Origin Tara's Tatars)]. *Vestnik arkheologii*, *antropologii i etnografii* [*Bulletin of the archaeology*, *antropology and etnografy*]. Tumen', IPOS SO RAN Publ., 1997, vol. 1, p. 51−64. (in Russ.)

Molodin V. I., Sobolev V. I., Solov'ov A. I. *Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya* [*Baraba in the Late Middle Ages*]. Novosibirsk, Nauka, 1990, 262 p. (in Russ.)

Pallas P. S. *Puteshestviya po razlichnym provintsiyam Rossiiskoi Imperii po poveleniyu Sankt-Peterburgskoi Imperatorskoi Akademii nauk* [*Travels through the Different Provinces of the Russian Empire at the Behest of the St.-Petersburg Imperial Academy of Sciences*]. St.-Petersburg, 1786, vol. 2, 573 p. (in Russ.)

Sobolev V. I. Istoriya Sibirskikh khanstv (po arkheologicheskim materialam) [The history of the Siberian Khanate (based on the archaeological materials)]. *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy*: *problemy kul'tury i sotsiuma* [*The Ethnography and Archaeological Complexes*: *Problems of Culture and Society*]. Novosibirsk, Nauka, 2008, vol. 10, 359 p. (in Russ.)

Tomilov N. A. Voprosy etnicheskogo razvitiya sibirskikh tatar v dorevolyutsionnoi i sovetskoi literature [The Questions of the Ethnic Development of the Siberian Tatars in Prerevolutionary and Soviet Literature]. *Etno-culturnyi fenomen v Zapadnoi Sibiri* [*Ethno-cultural Phenomenon in Western Siberia*]. Tomsk, 1978, p. 131−149. (in Russ.)

Tychinskikh Z. A. *Sluzhilye tatary i ikh rol' v formirovanii etniheskoi obshchnosti Sibirskikh tatar* (*XVII–XIX vv.*) [*Sluzhily Tatars and Their Role in the Forming of the Ethnic Communities of Siberian Tatars* (*XVII–XIX Centuries*)]. Kazan', «FAN» AS RT, 2010, 288 p. (in Russ.)

Witsen N. *Severnaya i Vostochnaya Tatariya*, *vklyuchayushchaya oblasti*, *raspolozhennye v severnykh i vostochnyh chastyah Evropy i Asii* [*Northern and Eastern Tartary*, *Including Areas Located in the Northern and Eastern Parts of Europe and Asia*]. Amsterdam, Pegasus, 2010, vol. 2, p. 623−1225. (in Russ.)

Zinner E. P. *Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeiskikh puteshestvennikov i uchenykh XVIII veka* [*Siberia in Books of Western Travelers and Scientists of the XVIII Century*]. Irkutsk, Vost.-Sib. Book's Publ., 1968, 247 p. (in Russ.)